Эдмунд Гуссерль. *Логические исследования*. Т. I. Перевод с немецкого Э.А. Бернштейн под редакцией и с предисловием С.Л. Франка; новая редакция Р.А. Громова, В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2024. – 309 с. ISBN 978-5-8291-4258-2.

Эдмунд Гуссерль. *Логические исследования*. Т. II. Ч. 1. *Исследования по феноменологии и теории познания*. Перевод с немецкого В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2024. – 660 с. ISBN 978-5-8291-4260-5.

Эдмунд Гуссерль. *Логические исследования*. Т. II. Ч. 2. *Элементы феноменологического прояснения познания*. Перевод с немецкого В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2024. – 335 с. ISBN 978-5-8291-4260-5.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-155-163 УДК 1(091)

Издательство «Академический проект» впервые на русском языке представило полный текст «Логических исследований» Эдмунда Гуссерля – в том виде, в каком он был задуман немецким философом. Стоить отметить, что том I и первая часть тома II уже издавались «Академическим проектом» в 2011 г. (вместе с соответствующими дополнениями: статьями Виталия Анатольевича Куренного и Романа Анатольевича Громова в томе I и подробным аналитическим исследованием Виктора Игоревича Молчанова в первой части тома II). На русском языке впервые публикуется VI «Исследование» (изданное Гуссерлем в рамках второго, переработанного издания, отдельно только в 1921 г., во второй части тома II), также дополненное подробным разбором его содержания, выполненным переводчиком В.И. Молчановым.

Тема, объединяющая разные части «Логических исследований» – значения как некоторые идеальные предметы, структурные

© Миронов Д.Г., 2025

отношения между ними, способы их постижения. По возможности кратко представим основную линию рассуждений Гуссерля и далее чуть более подробно осветим те вопросы, которым он уделяет значительное внимание прежде всего в VI «Исследовании».

В «Пролегоменах к чистой логике» (том I) Гуссерль критикует психологизм. Под психологизмом он понимает ошибочную позицию, отождествляющую логику с искусством размышления и сводящую ее законы к эмпирически устанавливаемым психологическим закономерностям. Согласно этому учению, истина определяется соответствием этим законам и была бы иной при иной их природе.

Опровержение психологизма Гуссерль начинает с анализа нормативного характера практических дисциплин. Любая нормативная система предполагает существование теоретических оснований: например, нормативное предложение «А должно быть В» имплицитно содержит теоретическое утверждение «Только А, которое есть В, обладает свойством С», и если это теоретическое положение истинно, а С при этом дается положительная оценка, выводимо нормативное предложение «Только А, которое есть В, есть нечто хорошее», тождественное исходному «А должно быть В». Применительно к логике это означает необходимость существования «чистой логики» как системы априорных истин, относящихся к таким понятиям, как понятие истины, суждения, определения и другие. Из этих истин мы затем выводим нормативные логические принципы, а следом формулируем практические правила.

Гуссерль последовательно критикует основные положения психологизма. Во-первых, психология как эмпирическая наука способна устанавливать лишь приблизительные закономерности, тогда как логические принципы обладают абсолютной точностью и априорным характером. Если бы логические законы были эмпирическими, они приобрели бы вероятностный характер, что абсурдно (например, принцип непротиворечия превратился бы в вероятностное предположение).

Во-вторых, психологизм неизбежно ведет к релятивизму: если законы логики суть законы человеческого мышления, то возможно существование иных видов мышления с иными законами, а следовательно, и с иными истинами. Это противоречит

самому понятию истины, которое по своей сути абсолютно и не допускает релятивизации.

В-третьих, психологизм основывается на заблуждении, что все правила мышления должны устанавливаться психологически. Однако законы логики относятся не к реальным психическим процессам, а к идеальным содержаниям и универсальным отношениям между сущностями. Чистая логика абстрагируется от конкретного содержания специальных наук и исследует, например, универсальную сущность истинности как таковой.

Итак, в «Пролегоменах» Гуссерль обосновывает необходимость признания чистой логики как теоретической дисциплины, изучающей идеальные, вневременные отношения между значениями, независимые от эмпирических психологических закономерностей.

Отдельной критики удостаивается номинализм (второе «Исследование», первая часть тома II). С точки зрения феноменолога, номиналисты допускают фундаментальную методологическую ошибку: они исходят не из дескриптивного анализа феноменов сознания, актуально данных в переживании общего, а из психологического исследования процесса абстрагирования. Подлинная задача, по Гуссерлю, должна состоять в описании самих различных способов осознания общего. Эти способы обладают четырьмя модусами. Когда дан индивидуальный феномен А, то, во-первых, может быть осуществлен акт, предметом которого выступает само А как индивид, на который направлена интенция. Во-вторых, этот же феномен А может служить основой для акта, в котором постигается вид, к которому принадлежит индивид (например, переход от восприятия красноватого оттенка к постижению «красного как такового»). В-третьих, интенция может быть направлена на весь класс в его тотальности (что выражается формулой «все А»). Наконец, в-четвертых, возможна интенциональная направленность на «неопределенного представителя» данного класса.

Номинализм, по Гуссерлю, игнорирует эти существенные различия. В частности, он не учитывает разницу между значениями слов, обозначающих индивидуальные объекты, и слов, указывающих на общее или родовое. Например, с помощью имени «Эдмунд» мы осуществляем референцию к конкретному

человеку, тогда как утверждение «Четыре есть четное число» отсылает не к совокупности предметов, а к виду «четыре» как таковому. Как единичные, так и общие суждения могут относиться как к индивидуальному, так и к видовому: «Сократ – человек» говорит об индивиде, «Три больше двух» – о виде; «Все люди смертны» относится к индивидуальным объектам, а «Сумма внутренних углов каждого треугольника равна 180°» – к идеальным сущностям.

Кроме того, Гуссерль оспаривает типичное для номиналистов объяснение через «подобие» вещей. Он указывает, что говорить о подобии невозможно без указания того, в чём именно оно состоит. То, в чём вещи подобны, есть не что иное, как их принадлежность к одному и тому же виду, сорту или типу. Во избежание бесконечного регресса необходимо признать, что подобие в конечном счете редуцируется к тождеству вида. Именно вид, а не сходство, дан нам непосредственно в актах очевидного усмотрения.

Итак, феноменологический анализ Гуссерля проблематизирует кажущуюся самоочевидность тезиса о том, что восприятие направлено исключительно на индивидуальное и конкретное. Возникает закономерный вопрос: «Возможно ли восприятие универсального и идеального?» В шестом «Исследовании» (раздел второй «Чувственность и рассудок»), исходя из тезиса об очевидности познания универсального, Гуссерль утвердительно отвечает на этот вопрос. Данное положение требует прояснения гуссерлевской концепции очевидного познания.

Очевидное познание конституируется через очевидные суждения, обладающие сложной структурой. Такое суждение включает: (а) акт суждения, (б) восприятие положения дел, (в) усмотрение соответствия между высказываемым содержанием и воспринимаемым положением дел. Эти компоненты образуют неразложимое единство. Очевидное суждение не просто констатирует истину, но обладает способностью самоудостоверения. Аналогично тому, как восприятие вещи предполагает ее существование, усмотрение положения дел возможно лишь при его фактичности. Очевидное суждение возникает только при выполнении условий истинности, поскольку содержит в себе непосредственное усмотрение-восприятие положения дел.

Стоит отметить, что подход Гуссерля существенно отличается от традиционной корреспондентской теории истины. Если классическая концепция ограничивается констатацией соответствия между суждением и положением дел без указания способа установления этого соответствия, то Гуссерль утверждает способность очевидных суждений к самоудостоверению.

Применительно к проблеме познания универсального это означает, что в очевидном суждении все компоненты значения находят интуитивное подтверждение. Это касается не только значений, соотнесенных с конкретными объектами или их свойствами, но и категориальных элементов, выраженных связками «есть», «и», «или», отрицанием «не». Например, в выражении «красный карандаш» значение слова «красный» лишь частично подтверждается чувственными данными, поскольку предполагает универсальное значение «быть-красным». Возникает своего рода «прирост значения», требующий для своей интуитивной подтверждаемости особых актов, фундированных на восприятии, но выходящих за его пределы.

В суждениях типа «А есть В», «Е и F существуют», «Все S суть Р» лишь значения, обозначенные символами «А», «В» и т.д., находят непосредственное чувственное подтверждение. Гуссерль различает «материю» означивания (эмпирически подтверждаемые компоненты) и «форму» (категориальные компоненты), подчеркивая абсолютность этого категориального различия.

Для обоснования возможности познания категориального Гуссерль вводит понятие категориального восприятия или нечувственной интуиции. Различается восприятие в узком смысле (чувственных объектов) и в широком смысле (идеальных объектов). Категориальное созерцание не существует автономно, но фундируется на актах чувственного восприятия.

Такое решение частного теоретико-познавательного вопроса Гуссерль связывает с общей конструкцией своей теории познания. Полностью эта конструкция представлена в шестом «Исследовании», однако ее важные фрагменты встречаются в первом и пятом «Исследованиях».

В первом «Исследовании» раскрываются феномены выражения и значения. Гуссерль исходит из того, что понятия

выражения и значения взаимосвязаны: материальный знак сам по себе еще не является выражением и становится таковым только тогда, когда с ним связывается «смысло-придающий» (sinngebende) акт. Слова и предложения сами по себе лишены значений и являются только совокупностями фонем или графем; с помощью «смысло-придающих» актов эти совокупности фонем/графем преобразуются в выражения, т.е. в то, что выражает интенциональные переживания, в которых как-то схватывается предмет.

В ходе анализа понятия выражения Гуссерль выделяет два вида «смысло-придающих» актов: (1) акты, которые нужны для того, чтобы выражение вообще могло быть выражением – bedeutungsverleihende Akte, буквально «снабжающие значением», «придающие значение» (II.1, с. 55) акты, иначе называемые «интенциями значения»; (2) акты, наполняющие («пустые») интенции значения созерцательным, интуитивным содержанием – Bedeutungserfüllungen, акты «осуществления значения» (II.1, с. 56), благодаря которым в процессе коммуникации коммуниканты не просто воспринимают слова как знаки, но постигают подразумеваемые смыслы.

Для Гуссерля важно, чтобы значение выражения отличалось от его референции. Так, он предлагает различать три смысла понятия «выраженное содержание»: (1) интендирующий смысл или интенция значения, (2) erfüllende Sinn, «осуществляющий смысл» (II.1, с. 69), (3) интенциональный предмет. Акты понимаются Гуссерлем как, прежде всего, «переживания-значения», значения «вложены» в акты-переживания, тогда как предмет всегда внеположен переживаниям. И, как замечает Гуссерль в пятом «Исследовании», существование или несуществование предмета ничего не меняет «в феноменологическом отношении»:

> Для сознания данное в существе своем равнозначно, существует ли представленный предмет или он вымышлен и, возможно, вообще бессмыслен (II.1, с. 411).

В пятом «Исследовании» Гуссерль подробно анализирует понятие интенционального переживания. В интенциональных переживаниях он выделяет три основных аспекта: интенциональную материю, интенциональное качество и интенциональную

сущность. С помощью понятия интенциональной материи можно объяснить то обстоятельство, что предмет всегда схватывается сознанием как «такой-то и такой-то» предмет. Разница в установках, которые можно занять в отношении к предмету, объясняется с помощью понятия интенционального качества. Материя и качество как два несамостоятельных момента какого-либо акта вместе образуют интенциональную сущность. Интенциональную сущность актов, способных наделять выражения значением, Гуссерль называет bedeutungsmässig, «сопряженной со значением» (II.1, с. 453).

Акты могут находиться к предмету в одном или более-чем-одном отношении: примерами первых служат восприятия или «образы», вторых – предикативные суждения. Синтетические (находящиеся к предмету в более-чем-одном отношении) акты с помощью модификаций могут быть преобразованы в простые полагающие акты, находящиеся к предмету уже только в одном отношении (такая модификация, например, происходит при переходе от предложения «Мимо бежит собака» к фразе «Собака, мимо пробегающая, …»). С учетом этого Гуссерль различает «номинализованные» предложения, которые служат именами для положений дел и выражают «номинативные» акты, и предложения, с помощью которых делаются утверждения о положениях дел (и выражаются «пропозициональные» акты). И те и другие выражаемые здесь акты Гуссерль обобщенно называет «объективирующими».

Шестое «Исследование» Гуссерль начинает с констатации того факта, что «мы можем дать выражения актам любого вида» (II.2, с. 27). Однако чтобы суметь выразить самые разные акты, нам требуется прибегнуть к «выражающим» актам, которые строго отличаются от актов выражаемых. Выражения делаются понятными коммуникантам только потому, что они схватывают соответствующие интенции значения, а не сами выражаемые акты. Например, в случае высказывания «Вот бежит собака» интенция значения принимает форму особого акта «подразумевания-вот-этого – _», который не зависит от актуально переживаемого восприятия. Сам этот особый акт может быть наполнен перцептивным содержанием с помощью соответствующего восприятия; Гуссерль в этом случае говорит

о «статическом» совпадении, соединении придающего-значение чисто «сигнитивного» акта (т.е. акта, лишенного созерцательного содержания) и смысло-наполняющего созерцания. Соединение может быть и «динамическим», например, когда чисто символически функционирующее выражение получает наглядное истолкование. Гуссерль в этом случае утверждает, что «акт чистого значения как нацеленная интенция находит свое осуществление в акте созерцания» (II.2, с. 50). При этом в отношении к акту мы переживаем осознание «осуществления», а в отношении к предмету – осознание тождества (осознание того, что предмет мыслимый и предмет воспринимаемый суть одно и то же).

Противоположно такому осознанию «осуществления» переживание конфликта, несовместимости, «разочарования» или «неосуществления»/«неисполнения» (Entfüllung в противоположность Erfüllung). Стоит заметить, что полная несовместимость невозможна, поскольку она подразумевала бы, что акт интенции значения и акт осуществления интендируют два совершенно разных предмета, не имеющих между собой ничего общего: разочарование возможно только на основе частичного совпадения.

Различие между интенцией значения и осуществлением значения распространяется на все объективирующие акты. Само это различие характеризует только материю акта и никак не связано с его качеством. При этом пустая интенция и ее наполнение/осуществление не просто представляют собой две противоположные модификации материи, скорее стоит говорить о том, что акт осуществления «улучшает» интенцию, «раскрывает» для нее материю. Пределом в этом процессе «улучшения» выступает идеал абсолютного соответствия, тот момент, когда

> предметное действительно «присутствует» или «дано» именно как то, в качестве чего оно интендировано; нет никаких скрытых частичных интенций, которым бы недоставало их осуществления (II.2, с. 134).

Путь к этому идеалу может проходить через ряд этапов относительного осуществления.

Легко заметить, что сквозной метафорой во всех феноменологических описаниях процессов познания служит метафора

«пустоты – полноты». В связи с этим обстоятельством мне бы хотелось сделать одно замечание. Термин erfüllen и его производные erfüllend и Erfüllung в разных сочетаниях Молчанов последовательно переводит как «осуществлять», «осуществляющий», «осуществление». Последовательность в переводе ключевых терминов есть, вероятно, первая обязанность переводчика, однако в данном случае некоторая игра со словами, имеющими корень «-полн-», мне кажется вполне уместной (она позволила бы несколько подчеркнуть динамичность, «потоковый характер» непрерывного «наполнения» и «опустошения» интенций). Сам Молчанов подчеркивает важность для Гуссерля метафоры «пустоты – полноты»: например, Entfüllung явно подсказано словом Entleerung (II.2, с. 303) (или см. переводческое решение на с. 227 и соотв. комментарий). Для упрощения задачи и в целях сохранения единства передачи, я бы добавлял в каждом случае, когда для Гуссерля важна сама метафора, указание в скобках на соответствующее немецкое слово. Это, в частности, позволило бы избежать ненужной двусмысленности, которая возникает, например, в следующем предложении:

> Не в рефлексии на суждения или даже на осуществление суждений, а в самих осуществлениях суждений действительно лежит исток понятий положения дел и бытия (II.2, с. 158).

Стоит, однако, отметить огромный переводческий и редакторский труд Молчанова. Как уже указывалось, каждый том включает в себя аналитические и историко-философские комментарии. Издание снабжено предметным и именным указателями. Оно рассчитано прежде всего на студентов, аспирантов и преподавателей гуманитарных факультетов и отделений высших учебных заведений, а также на специалистов в области истории философии, истории науки. И, безусловно, его можно рекомендовать всем, кто хочет понять, чем же в действительности является феноменология и почему она важна.

МГУ имени М.В. Ломоносова **Д.Г. Миронов**
d-21312556@yandex.ru